

20. *Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Пенза, 2004.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И. Т. Вепревой

Хао Мэй

магистрант 1 к. УрФУ

ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) — писатель, творчество которого оказало влияние на развитие русской и мировой литературы. Непревзойденный мастер языка [См.: Пустовойт 1987], он воплотил в своих произведениях колоритные картины русской жизни, создал галерею русских характеров. В филологии сформировалось самостоятельное научное направление — тургеневедение [См.: Библиография литературы о И. С. Тургеневе 1970; Бялый 1962 и др.]. Изучают творчество Тургенева и в Китае [См.: 徐拯民 2000].

Лирическая тема поисков прекрасного нашла отражение в созданных И. С. Тургеневым женских образах. Почитатели таланта писателя ввели в речевой оборот словосочетание «тургеневская девушка». Тургеневская девушка — «натура цельная, самоотверженная, глубоко русская, близкая по духу своему пушкинской Татьяне, явившейся поистине олицетворением прекрасного» [Фридлянд 1962: 255]. Особенности национального характера проявляются в речи героини.

Задача лингвокультурологического анализа, результаты которого представлены в данной статье, — описание речевого портрета тургеневской девушки. Объект анализа — текст повести «Ася». Впервые повесть была опубликована в журнале «Современник» (1858 г.). П. В. Анненков, друг писателя, отмечает, что «основа «Аси» автобиографична: судьба героини (история ее детства) напоминает судьбу дочери Тургенева, Полины, воспитывавшейся в доме его матери» [Аннеков 1960: 418].

Повествование ведется от лица рассказчика. Уже в зрелом возрасте он вспоминает себя двадцатипятилетним молодым человеком, который путешествует *без цели, без плана*, чувствует желание *видеть новые*

лица¹. *Имя рассказчика (Н. Н.) не называется. Действие происходит в небольшом немецком городке, расположенном на левом берегу Рейна. Мимолетный роман с молодой вдовой, которая кокетничала со всеми, уязвил гордость молодого человека, хотя рана сердца была не очень глубока. Настоящее чувство он испытал, встретившись с Асей. Противопоставление игры в любовь и любви истинной, осмысление природы любви охватывает повествование как тематически цельный текст.*

В процессе конкретного анализа мы будем опираться на труды по лингвоперсонологии, основанные на синтезе методов собственно лингвистического, психолингвистического, социолингвистического, стилистического анализа [См.: Дымарский 2006; Карасик 2003; Крысин 2001; Седов 2010].

Первая случайная встреча героя с Асей маркирована словом *русский*: на фоне молодых немецких голосов выделяются реплики на русском языке:

Вы русские? — *сорвалось у меня невольно с языка.*

Да, русские.

Далее следует этикетная формула представления со странной паузой:

Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра.

Неуверенно произнесенное слово *сестра* вносит имплицитный смысл “тайна”: каковы истинные отношения между Гагиным и молодой особой? Загадка усугубляется отсутствием внешнего сходства: *Она несколько не походила на своего брата. Ср.: А все-таки она ему не сестра!* Таким образом, ролевой статус героини остается неопределенным. Странность заключается также в том, что девушку звали не Анастасией, а Анной (стандартные уменьшительные варианты имени: Аня, Анночка, Аннушка, Нюра, Нюся, Анюта, Нюта, Нюша [Энциклопедия русских имен 2000: 418]).

Обращает на себя внимание противопоставление глаголов, подчеркивающих переход речевого поведения Аси от скованности к непринужденности: *Сначала она **дичилась** меня; < > и немного спустя уже **сама заговаривала со мной**. Дичиться (разг.) — “стесняться, чуждаться”* [Толковый словарь...2008: 201] Способность поддерживать непринуж-

1 Здесь и далее извлечения из текста повести приводятся курсивом. Основной источник: Тургенев И.С. Собр. Соч. В 10 т. Т. 6. — М.: Гослитиздат, 1960. С. 164—200.

денный разговор, коммуникабельность — важный штрих к речевому портрету: *Мы проболтали часа два. Непринужденность речевой манеры Аси выражается невербальными средствами — прежде всего взглядом: Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен.* Наречия и краткие прилагательные емко характеризуют характер Аси: она прямодушна, эмоциональна, порывиста, бесхитростна, способна на смелый поступок, обладает интеллектом. Отметим, что прямой взгляд в глаза собеседнику характеризует русскую невербальную манеру поведения, которая нередко смущает китайцев.

В повести присутствует характеристика беседы как особого жанра диалогической и полилогической речи. Ася с интересом участвует в кооперативном гармоничном разговоре (<> *беседа наша все продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас*). Сравнение подчеркивает не только увлекательность, но и жизненную необходимость доверительного речевого взаимодействия. Умение поддержать беседу, быть ее равноправной участницей — важная грань коммуникативной компетенции Аси. Писатель не выделяет тему беседы, не воспроизводит реплики участников разговора, а лишь подчеркивает ценность обратной связи, которая рождается в беседе благодаря участию в ней Аси. Лишенная кокетства речевая манера девушки обостряет чувства собеседника, оставляет неизгладимый след в его душе. Через много лет Н. Н. вспоминает:

— *Я чувствовал себе счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив.*

Можно предположить, что Н.Н. покорила безыскусственность Аси, ее поглощенность самим разговором, а не желание понравиться, произвести впечатление. Девушка чувствует неуместность кокетства: она не “выставляет напоказ” [Толковый словарь...2008: 346] свои внешние и интеллектуальные данные — она поглощена самой беседой. Не случайно Н. Н. *в течение вечера... ни разу не вспомнил о... жестокой красавице, которая умело играла его чувствами.* Речевой портрет Аси строится на базе противопоставления манипулятивного (жестокая красавица-кокетка) и искреннего, естественного, лишенного театральности речевого поведения тургеневской девушки.

Оппозиция позволительного — непозволительного, которая учитывается в процессе речевого портретирования, проявляется в невербальном поведении. С одной стороны, *движения ее были очень милы, как у*

благовоспитанной барышни; с другой стороны — *полудерзко, полувесело щурились темные глаза*. Не предусмотренное этикетом резкое проявление эмоций — психологическая черта, но не признак невоспитанности: — *Вы находите мое поведение неприличным, — казалось, говорило ее лицо, — все равно: я знаю, вы мной любуетесь*. Таким образом, Ася знает правила хорошего тона, но позволяет себе нарушать эти правила, не сковывая себя известными предписаниями. Следует также учесть, что Асе семнадцать лет, поэтому ребячливость, склонность к игре можно трактовать как проявления возрастных особенностей ее речи.

Тургенев неоднократно подчеркивает русскость Аси. Русскость проявляется прежде всего в прямолинейности и простоте поведения, сглаживающей различия между кругом низшим и высшим: *Ася показала мне совершенно русской девушкой... мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши...* Вопрос о сословной принадлежности Аси, которая вела себя *естественно, без тени кокетства*, но непредсказуемо, волнует героя — выходца из дворянской среды. В Гагине Н.Н. видел *полуизнеженного великорусского дворянина*; Ася же *не походила на барышню*. Ее речь была лишена привычных штампов, а поведение не подчинялось принятым в дворянских семьях условностям. В то же время она свободно говорит по-немецки, с увлечением читает французские романы.

Гагин раскрывает секрет драматической истории Аси — незаконнорожденной дочери его отца, получившей образование *в одном из лучших пансионов Петербурга*. Для правильного восприятия историзма пансион носителям русского языка как иностранного требуется страноведческий комментарий: в дореволюционной России пансионом называли “закрытое среднее учебное заведение с общежитием” [Крысин 2005: 561]. В пансионе обучались благородные девицы — дворянского происхождения. Незаконнорожденная Ася с детства осознавала свое ложное положение: *барышни* (т. е. “девушки благородного происхождения”) [Балакай 2001: 32])... *из хороших фамилий не любили ее, язвили ее и кололи, как только могли*, несмотря на то, что *училась она прекрасно, лучше всех*. Таким образом, Ася не ощущала себя “настоящей барышней”, но воспитание получила в пансионе и знала, как барышня должна себя вести. Ролевой статус “барышня”, устанавливаемый по признаку происхождения, не принимается ею по отношению к себе как полноценный. Ум и образованность не могут преодолеть сложившиеся сословные предрассудки.

В речи Аси ощущается искреннее стремление к высокому. Услышав пение богомольцев, она говорит:

— *Вот бы пойти с ними...пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг.*

Подобно Татьяне Лариной, она мечтает об истинном чувстве:

— *Есть чувства, которые поднимают нас от земли.*

В то же время, понимая и переживая неопределенность своего положения, произносит:

— *Крылья у меня выросли, да лететь некуда.*

Склонность к образным афористическим формулировкам — признака нестандартности, выразительности речи тургеневской девушки.

Как и Татьяна Ларина, Ася способна на смелый речевой поступок: она пишет записку человеку, которого полюбила без памяти, и назначает ему свидание. Гагин комментирует поступок сестры:

— *Другая умела бы все скрыть и выждать — но не она!*

Сцена свидания в небольшой комнате, в доме фрау Луизы, обнаруживает нравственное превосходство страстной натуры над влюбленным, но находящимся в плену предрассудков молодым человеком.

Ваша... — прошептала она едва дыша.

В этом трепетном признании гамма чувств: и надежда, и страх, и готовность смириться с обстоятельствами. Услышав от Н. Н., что *брат все знает*, она испытывает недоумение:

— *Я должен был все ему рассказать.*

— *Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти в себя и плохо меня понимала.*

Представляется, что Ася поняла того, кому доверилась. Слово *должен* выражает уверенность Н. Н. в том, что он обязан был обо всем рассказать Гагину. Модальность долженствования разрушается в ответной реплике Аси, которая восприняла этот факт как предательство. Выслушав в ответ на признание в любви моральные наставления, Ася смиренно согласилась с необходимостью покинуть город:

Посмотрите же, что вы наделали... Теперь вы хотите уехать...

Да, я должна уехать... Я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

И вы думаете... мне будет легко с вами расстаться?

Но зачем же вы сказали брату?...

В диалогических репликах Аси отсутствуют речевые жанры жалобы, обвинения. Не услышав ожидаемого эмоционального отклика со

стороны Н. Н., она не утрачивает чувства собственного достоинства. Это чувство выражено в прощальной записке, адресованной человеку, которого Ася полюбила с первого взгляда. Бесхитростное объяснение собственного видения ситуации неразделенной любви мотивирует двукратное употребление «формы прощания... навсегда» [Балакай 2001: 431], отличной от формы *до свидания*. Ася прямо говорит о том, что ожидала услышать слова любви, без которой она не мыслит продолжения встреч:

— *Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали **одно слово, одно только слово** — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!*

В тексте записки используется фигура умолчания: Ася избегает употребления глагола *любить*, т. к. в ее представлении любовь — это взаимное чувство, которое Н.Н. не решился высказать. Духовный мир Аси оказался богаче, глубже духовного мира Н.Н., который, в отличие от семнадцатилетней девушки, остается в плену условностей:

Сама Ася, с ее огненной головой, с ее прошедшим, с ее воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролась во мне чувства <...> «Я не могу на ней жениться, — решил я наконец, — она не узнает, что и я полюбил ее».

В сцене свидания речевая смелость Аси противопоставляется речевым уверткам Н.Н. Лишь через много лет он осознает ценность непронизанного слова, которое могло бы определить будущую счастливую жизнь. Слово, в трактовке писателя, правит судьбами:

— *О, я безумец!... Я не сказал его ей, я не сказал ей, что люблю ее <...> последняя нить, за которую я еще мог ухватиться, выскользнула из рук моих.*

В текстах классической русской литературы «важное место занимают самохарактеристики персонажей» [Кожевникова 2001: 397]. В повести «Ася» находим ограниченное количество подобных высказываний с местоимением *Я* в позиции субъекта, которые позволяют уточнить внутреннее психологическое состояние Аси, ее склонность к постоянным размышлениям. Предикаты в таких высказываниях — глаголы интеллектуальной деятельности: <...> **я думала**, *отчего это никто не может **знать**, что с ним будет; <>а иногда и видишь беду, да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды? Потом **я думала**, что **я** ничего не **знаю**, что **мне** надобно **учиться**. **Меня** перевоспитать надо,*

я очень дурно воспитана. В этих откровенных Я-характеристиках ощущается не только самокритичность, но и прозорливость, аналитический склад ума, стремление к самосовершенствованию. Девушке постоянно приходится делать выбор между “можно” и “нельзя”:

— *Я сама не знаю, что у меня в голове... Я иногда самой себя боюсь, ей-богу.*

В речи Аси неоднократно повторяется слово *правда*, слова и сочетания, передающие представления о правде и правдивости. Она правдива и ждет того же от других: *Послушайте,... меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперед всегда верьте тому, что я вам говорю буду, только и вы будьте со мной откровенны: а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...* Ася не лукавит и ждет полной откровенности в ответ на откровенность.

Для осмысления особенностей речевого мира Аси важны оценочные высказывания со стороны Гагина и Н. Н. Молодые люди считают Асю *странной*, т. е. “необычной, непонятной, вызывающей недоумение” [Толковый словарь... 2008: 397], *загадочной*. Например: *Не правда ли, она должна казаться немного странной?* (Гагин). Ср.: *Она являлась мне загадочным* существом (Н. Н.). Эти оценки основаны на отсутствии в речевом поведении Аси тех штампов, которые были присущи поведению благовоспитанной барышни: *Она не походила на барышню* (Н.Н.).

Н.Н., который испытал на себе коварство кокетки, отмечает отсутствие театральности в речевой манере Аси: *«<...> как я ни старался наблюдать за нею, ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил».*

Акцентируется социальный фактор, влияющий на формирование целостного речевого портрета: *Она хотела заставить целый мир забыть о своем происхождении* (Гагин); *Я заглянул в эту душу: тайный гнет давил ее постоянно* (Н. Н.).

Высокий уровень интеллектуальной стороны речи, ее глубокая эмоциональность, правдивость косвенно характеризуются высказываниями: *<...> сердце в ней не испортилось, ум уцелел* (Гагин); *Бедное, честное искреннее дитя* (Н. Н.). Совпадение точек зрения Гагина и Н.Н. обнаруживает весомость социального фактора, влияющего на восприятие лингвокультурного типажа.

Таким образом, лингвоперсонологический анализ позволил выявить два фактора, влияющих на формирование речевого портрета героини: фактор социально-ролевой и фактор индивидуально-психологический.

Высокий уровень развития собственно лингвистических компетенций (Ася владеет нормами русского литературного языка, свободно говорит на двух европейских языках) и коммуникативных компетенций (Ася обладает умениями, способствующими созданию гармонического кооперативного взаимодействия) не позволяет воспринимать ее речевое поведение как некий стандартный вариант, ассоциируемый с речью *настоящей барышни*. Социально-статусная роль барышни, девушки благородного происхождения, самой Асей не осознается как органическая. В границах оппозиции “своего и чужого” речь Аси воспринимается как “другая”, не похожая на социально обусловленные стандартные образцы.

Лингвоперсонологический анализ позволил выявить следующие индивидуально-психологические особенности речевой манеры Аси: простота, отсутствие театральности, правдивость, эмоциональность, порывистость. Особо выделяется способность девушки к совершению речевого поступка, связанного с риском. Выразительность, образность речи поддерживают романтические устремления героини, живущей в ожидании любви.

Перевод повести «Ася» на современный китайский язык необходимо сопровождать лингвокультурологическими комментариями, направленными на разъяснение слов, выражений, связанных с устройством дореволюционного русского общества. Особая задача — разработка страноведческих разъяснений в учебных целях.

Использованная литература

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. — М.: Гослитиздат, 1960.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. — М.: АСТ—ПРЕСС, 2001.
3. Библиография литературы о И. С. Тургеневе, 1918-1967 / Акад. наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. Л. Н. Назарова и А. Д. Алексеев; сост.: А. Д. Алексеев, И. А. Битюгова, Н. Ф. Буданова и др. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. — С. 166—188.
4. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. — М.: Л.: Советский писатель, 1962.
5. Дымарский М. Я. Речевая манера: конфликтность внутренняя и внешняя// Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: колл. моногр./ отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 74—88.
6. Карасик В. И. Языковое поведение и типы языковых личностей//Масовая культура на рубеже XX — XXI веков: человек и его дискурс/ под ред. Ю. А. Сорокина, М. Л. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. — С. 24—42.

7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета// Русский язык в научном освещении. 2001. — № 1. — С. 90—106.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: ЭКСМО, 2005.
9. Кожевникова Н. А. Стиль Чехова. — М.: Азбуковник, 2011.
10. Пустовойт П. Г. Художник слова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 127—139.
11. Седов К. Ф. Модель коммуникативной компетенции // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. — С. 101—125. .
12. Толковый словарь русского языка/ отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011.
13. Фридлянд В. Повести Тургенева пятидесятих годов/ Тургенев И. С. Собр. соч. В 10 т. —М.: Гослитиздат, т. 6, 1962. — С. 251—279.
14. Энциклопедия русских имен. — М.: Изд-во ЭКСМО — ПРЕСС, 2000.
15. 徐拯民. 巴金与屠格涅夫笔下的女性形象//《俄罗斯文艺》. 北京: 北京师范大学, 2000. 56—70页.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н. А. Купиной